DISCOURSE ON IDENTITY AS A WAY OF UNDERSTANDING URBAN SPACE¹

Zhanna V. Nikolaeva (a), Anna A. Troitskaya (b)

(a) St. Petersburg State University. 7/9 Universitetskaya emb., St. Petersburg, Russia, 199034. E-mail: z.nikolaeva[at]spbu.ru; zh.v.nikolaeva[at]gmail.com

(b) St. Petersburg State University. 7/9 Universitetskaya emb., St. Petersburg, Russia, 199034. E-mail: annatroitckaya[at]gmail.com

Abstract

The article formulates a range of problems related to both the contemporary Philosophy of the City and studies of the semantic space of the urban environment. The multidirectional intentions of the authors of this issue are summarized with a search for specific links between identity processes and the formation of spatial-territorial “fields”. This view lets us focus on the study of the urban environment in the 21 century including describing space in the city as “zones of cultural exclusion” (such as closed access areas, marginalized territories and other geographically isolated spaces) in their correlation with urban cultural topos.

Modern meta-cities as huge public spaces require discourse on identity and identification within the current Philosophy of the City. The “reassembling” of urban spaces, according to the actor-network theory, is considered in the context of rethinking the questions of urban identities.

Issue’s focus is on the boundaries of identity and spatial boundaries in the city as well as on cultural and social practices that transform territorial barriers, remove old ones and contribute to the emergence of new ones. There is a connection between this modern phenomenon and the historical processes preceding it. The article provides examples of such an appeal to the experience of the past. Among the other approaches to this topic, the article presents studies completed on literary material, where the search for identity occurs in the conditions of constructing or overcoming borders. The ways of cultural identity are traced, including these of language and border areas of language culture.

Keywords

Philosophy of the City; borders; identity; urban environment; urban space; social space; borderlands; literary discourse; interculturality; boundary construction

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

¹ The reported study was partly funded by RFBR according to the research project № 18-011-00552 at SPSU.

ДИСКУРС ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК СПОСОБ ОСМЫСЛЕНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА¹

Николаева Жанна Викторовна (а), Троицкая Анна Алексеевна (б)

(а) ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб. д. 7. E-mail: z.nikolaeva[at]spbu.ru; zh.v.nikolaeva[at]gmail.com

(б) ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб. д. 7. E-mail: annatroitckaya[at]gmail.com

Аннотация

В статье формулируется круг проблем, связанных как с современной философией города, так и с исследованиями семантического пространства урбанизированной среды. Обобщаются разнонаправленные интенции авторов настоящего выпуска, объединенные поиском специфических соотношений между процессами идентификации и формированием пространственно-территориальных «полей». Данный исследовательский ракурс ориентирует нас на изучение городской среды XXI века, в том числе и с использованием методологии описания пространства в городе как «зон культурного отчуждения» (зоны закрытого доступа, зоны общего доступа, депрессивные зоны, торговые кварталы, промышленные зоны, места туристической привлекательности, сакральные места, места топоса власти, руины, музейные кварталы, спальные районы этнические и социальные гетто, маргинализированные территории и иные географически изолированные пространства) в их корреляции с городскими культурными топосами. Современные мета-города как огромные публичные пространства создают необходимость дискурса об идентичности и идентификации места в рамках Philosophy of the City, что подразумевает изучение не только взаимодействия человека с материальными объектами, но и с сетями и субъектами социальной реальности. «Пересборка» урбанистических пространств, согласно акторно-сетевой теории, рассматривается в контексте переосмысления ответов на вопросы о городских идентичностях. В центре внимания авторов статей выпуска, посвященного границам идентичности и пространственным границам в городе, оказались культурные и социальные практики, которые трансформируют территориальные барьеры, удаляют старые и способствуют появлению новых. Между этим современным явлением и историческими процессами, предшествующими ему, существует связь: в статье приведены примеры такого обращения к опыту прошлого. Среди подходов к данной теме представлены исследования литературно-художественной топологии, где поиски идентичности также происходят при условии конструирования или преодоления границ. Прослеживаются пути культурной самоидентификации, в том числе через язык и пограничные области языковой культуры.

Ключевые слова

Философия города; границы; идентичность; городская среда; городское пространство; социальное пространство; пограничье; литературный дискурс; межкультурное взаимодействие; конструирование границ

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00552 в СПбГУ.

ВВЕДЕНИЕ

Современный город может быть представлен в виде переплетенных сетей, образ которых проявляется не только в воспроизводимом аэрофотосъемкой рисунке городских улиц и проспектов, но и набором иных траекторий нефизического свойства. Сеть различных, пересекающихся между собой, городских практик сформирована множеством способов социального взаимодействия, экономическими и культурными трансформациями, специфическими соединениями повседневных действий, обусловленными реально существующими и виртуальными стратегиями освоения современного городского пространства.

Ускорение и мобильность культурной среды города растворяют устоявшиеся понятия, связанные с классической урбанистикой, и с феноменом городских идентичностей в частности. Все это создает необходимость ведения дискурса об идентичности и идентификации в методологическом поле современной философии города. Ряд новых подходов в социальной теории способствовал отходу от трактовки социальных коалиций (групп) как субстанциональных общностей – носителей определенных идентичностей. Прежде всего, этому способствовал интерес к сетевым формам отношений, которые постоянно утверждают или, в терминах акторно-сетевой теории, «пересобирают» социальное (Latour, 2005). Теория социальных пространств, связанных с единичными и групповыми идентичностями, изучает и воображаемые пространства, которые появились благодаря способности человека обладать «социологическим воображением», по определению американского социолога Чарльза Райта Миллса (2001). «Спатиализмы» (пространственные формы, олицетворяющие социальную деятельность в материальных пространствах) Мишеля Фуко (2006) и Анри Лефевра (2010) лишь частично объясняют роль бессознательного в формировании метафизических пространств закрытого доступа. М. Фуко предложил рассматривать пространство как «следствие целенаправленных мысленных или философских усилий» (Замятин, 2006, стр. 24). Будущее рисуется как процесс все большего вовлечения в различные сети коммуникации, в процессы ускоряющейся дигитализации, то есть в сторону все большей усложненности города. Таким образом, мы исследуем город в качестве сетевого объекта, а его пространство — как наполненное смысловым содержанием, обусловленным соотношением и работой этих сетей.

«Город – топологически множественный объект, существующий одновременно в сетевом и евклидовом пространстве (более корректно, но менее грамотно: «имеющий две формы пространственности»))» (Вахштайн, 2014, стр. 27), множественная природа городского пространства, выходящего за рамки географических координат города, позволяет говорить о наборе культурных идентичностей, как целостных и в то же время подвижных образований в социальном контексте и в метафизике городской среды.

В центре нашего внимания также оказались культурные и социальные практики, которые удаляют старые границы территорий и способствуют появлению новых; они же создают рисунок городской среды с новыми функциональными и семантическими пространствами.

СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОД КАК МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

В последнее десятилетие сформировался круг проблем философской направленности, прочно связывающий роль идентитарных процессов с образованием пространственно-территориальных «полей» в городской среде. «Феноменологический и герменевтический аспекты идентичности горожанина связаны с проблемой границ человеческого «я», с границами города, линиями размежевания внутри самого города...» (Николаева & Носков, 2019, стр.110). Смысловое наполнение пространства во многом определяет переживание внутреннего единства (или разлада) человека с миром. Кристофер Тилли, занимающийся проблемами антропологии и феноменологии ландшафта, описал этот процесс через ряд вопросов:

«Кто мы? Что связывает нас вместе и чем мы отличаемся от других? Что такое наше прошлое и где наше будущее? Как нам найти себе место в этом мире? Каковы наши традиции и как мы реагируем на новое? Как мы представляем себя и что для нас важно? Все это классические вопросы социальной идентичности. Такие вопросы вышли на первый план в социальной теории в течение последних двух десятилетий в рассуждениях о ландшафте, месте и наследии. Глобализация, быстрое развитие многокультурных городских обществ, растущее влияние многонациональных корпораций и рост «гибкости», а также сопутствующая этому незащищенность на рынке труда, диаспоры и крупномасштабные перемещения и перемещения людей, туризм и путешествия, интернет и

разрушающееся чувство пространства и времени, – все эти и многие другие факторы заставляют людей задавать вопросы об идентичности» (Tilley, 2006, p. 8).

Осознание себя и своего фактического места в пространстве происходит как осознание другого, и этот другой из прошлого (или виртуального будущего) явлен нам в своих телесных расширениях — архитектурной оболочке, размещенной в городских пространствах.

Бесконечная диалектика городских границ открывается уже в изучении стратегий освоения городского пространства: в городе мы и воспроизводим свой дом, *domus* (в терминологии М. Хайдеггера — дом бытия), сакральное пространство, закрытое от чужих глаз, то есть пространство *о-граниченное*. В то же время мы находимся, взаимодействуем друг с другом и в огромном публичном пространстве. Нам представляется, если границы между государствами могут быть снесены (как Берлинская стена в 1989 году) или быть флюидными, то в городе они куда как более материальны, а их непроницаемость обеспечивается, кроме самих каменных стен и замков-запоров, — секьюрити, электронными картами доступа и, наконец, формированием городской метафизики, закрепляющей на века в сознании горожан незыблемость и непроницаемость границ имеющих идентичностей.

В последнее время усилилось явление закрытого (или обнесенного стеной) сообщества, содержащего строго контролируемые входы и закрытый периметр стен и заборов¹. Забор, как считает профессор Валерий Савчук, определяет основы нашей культуры. Ему присущи функции медиа. Разделяя, он обозначает, демонстрирует социальное условие, порядок вещей (Савчук, 2012, стр. 105). Иногда окружение стенами означает защиту, иногда это означает добровольное исключение, иногда процесс происходит как результат идеологических, религиозных, социальных противоречий на общей территории. Но и эти барьеры трансформируются, стираются, на их месте могут быть воздвигнуты новые, доказывающие динамичность и изменчивость города как социальной структуры, следовательно, и возможности формирования новых идентичностей.

Пространства обитания человека в городе, таким образом, могут быть исследованы с помощью ризоматического моделирования: с

¹ Этот процесс является предметом изучения теихополистики (от греческого *το τεῖχος* — городская стена), теории формирования как физических, так и ментальных границ. Этот феномен изучается также в дисциплинарном поле практической философии в разделе, изучающем функционирование закрытых социальных групп (ЗСГ).

помощью представления структур топографического пространства не в традиционных бинарных оппозициях (центр/периферия; высшее/низшее; власть/анархия; вне/внутри; свое/чужое), а как делающих пространство (и его отображения) потенциально неограниченными. Современные мегаполисы на спутниковой видеосъемке — это огромные пульсирующие звезды разнородной плотности и различных форм. У Делеза и Гваттари изображение на карте никогда не является законченным (Делез & Гваттари 2010), город, как и ризома, нигде не начинается и не заканчивается. Отдельные «территориальные поля», продолжая эту теорию, следует признать хранилищами (или источниками энергии) исходящего бытия.

В то время как современная культура приобретает «гибридные» или «креолизованные» формы (Hannerz, 1992), нет никакой универсальной модели города, городского пространства или же универсального портрета горожанина: город создается суммой городских идентичностей, каждая из которых формируется городской средой. Благодаря системным глобальным процессам (Friedman, 1994), диаспорам и миграциям людей, мир все больше «детерриториализируется» (Bauman, 1992; Appadurai, 1996), и, следовательно, трансформируются и пространственные значения. Территориальные, ментальные или фантомные границы представляют собой мобильный, изменчивый контекст для формирования и выражения культурной идентичности. Само понятие идентичности может быть представлено как дискурсивный конструкт, а идентификация — как непрерывный «процесс артикуляции, склеивания и переопределения, а не категоризации» (Hall, 1996, p. 3). В этот процесс включено обозначение символических границ, также подверженных реконструкции и трансформации.

В проблематике пространственных границ есть феноменологический аспект, представленный в настоящем выпуске в эссе **М. Хайдеггера «Строительство жительство мышление»¹**, которое мы публикуем впервые в переводе на русский язык, сделанном **Дарьей Колесниковой**. Текст посвящен смысловой интерпретации строительства как форме бытия в контексте проблем современной М. Хайдеггеру архитектурной и градостроительной

¹ В русскоязычной литературе эссе чаще упоминается как «Строить. Жить. Мыслить», но в предлагаемом переводе эти разрозненные действия заменены существительными (что, в целом, обнаруживает большее соответствие с оригинальным названием — «Bauen Wohnen Denken» (Heidegger, 1997) и, к примеру, с его переводом на английский язык), подчеркивающими процесс, непрерывность и длительность которого очевидна из попытки всех трех обозначений действий слиться в одно, прерываемое лишь парой пробелов между ними.

мысли. Предлагаемые немецким философом устойчивые формулы «строить-жить», «строить-мыслить» одновременно являются тремя модусами повседневности — «строительство-жительство-мышление». Через языковые конструкции М. Хайдеггер обосновывает соотношения этих модусов и описывает суть единственно возможного понимания оснований жизни и города, как пространства для жизни. Согласно этому тексту, интерпретация городской среды символически формирует картину мира индивида, но эта интерпретация зависит от его первоначальных жизненных установок. В качестве границ или пределов пространства, открываемых вокруг мест, рассматривается понятие *горизонта*, служащего также метафорой контекста человеческого существования. В своем предисловии к эссе Д. Колесникова обращает наше внимание на его основные концепции, выделяет ключевые в теории Хайдеггера понятия, связанные со средой обитания, местом и идентичностью.

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ГРАНИЦАХ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Предлагаемый выпуск посвящен изучению и философскому осмыслению взаимного признания, отторжения и онтологии пространственных границ в городе. Культура, прошлое, идентичность сегодня становятся для нас конструктами. Для большинства людей собственная идентичность воспринимается как данность, как некое базисное условие, не подлежащее обсуждению или анализу, но философия идентичности связана с современным знанием, подрывающим этот незыблемый фундамент. Городская идентичность как городской тип личности, предложенный Г. Зиммелем (Зиммель, 2002), уже не может быть воспринята целостно. Социопсихологическое состояние городского культурного типа индивида изучено мало, но очевидно, что оно характеризуется определенными маркерами (городские мифы, коды памяти, образы, поведенческие нормы, антагонистические тенденции), которые объединяют и разграничивают различные городские сообщества.

Исходя из понимания бесконечной и своеобразной энтропии современного города и городского метанарратива, невозможно представить его (город) без характеристики пространств, которыми он обладает и в котором он расположен. Один из способов такого описания города — использование теории «пересечения социальных пространств» (*“intersection of social spaces”*) — описывается в статье Альберто Пирни **«Exclusion, Transition, and Recognition: Normative Archetypes for Crossing Urban Social Spaces»**, опубликованной в

этом выпуске журнала. В попытке воспроизвести универсальную модель взаимодействий субъекта с социальным пространством за пределами городского контекста, А. Пирни исследует эти действия или отношения с помощью применения трех модусов: отчуждения, транзитивности и признания. Рассуждая о формах идентичности, он останавливается на определении форм инаковости, которые также определяются тремя предложенными модусами/архетипами, и потому достаточно вариативны. Сам метод изучения городских социальных пространств не только как закрытых, защищенных границами образований, но как пространств, пересечение которых возможно и разнообразно, вносит в наше понимание города новую динамическую величину.

Исследование обществ и сообществ, фрагментирующих городское пространство, включает в себя изучение отдельных социальных событий или феноменов, порожденных условиями, сформировавшимися в городской среде. Избрав для выявления границ закрытых сообществ гендерную проблематику, **Влада Королева** сфокусировала внимание на примерах социальной адаптации женщин в городах США 1960-х–1980-х годов. Проблемы, рассматриваемые в ее статье **«The Social Position of Women in Cities in the USA during the 1960s-1980s»**, связаны с женским образованием, работой, положением в семье, отношениями в обществе и государственной позицией. Преодоление границ, выстраиваемых в ряде случаев на правовом, а иногда — исключительно ментальном уровне, привело к появлению «женских пространств», которые помогли бы женщинам не только выйти из домашнего заключения, но и разрешить сложные жизненные ситуации. Приюты, женские медицинские центры, женские библиотеки, книжные клубы и детские сады — все это помогло американской женщине выйти из пространства отчуждения и получить новые возможности для саморазвития. В статье акцентируется распределение мужских и женских территорий города в отмеченный период, в соотнесении с понятиями центра и периферии. Вместе с тем, примеры образования «женских пространств» свидетельствуют не только о преодолении границ, но и о выстраивании новых, маркирующих исключительно *женское* в городе: способ, характерный для движения феминизма второй волны. Вполне конкретные географические границы города и его окраин создают в этом контексте сложную и интересную для анализа картину, связанную с символическим и социальным пространством зон отчуждения.

«В постинформационном обществе, где господствует «General Intellect» (П. Вурно), актуальными объектами для изучения становятся такие культурные противоречия, как утилитаризм, материализм, национализм, религиозный фундаментализм, традиционализм, характеризующиеся своими собственными «культурными зонами отчуждения». Например, в структурах современных мегаполисов основными критическими зонами, где эти противоречия наиболее очевидны, являются городские окраины» (Nikolaeva & Troitskiy, 2018, p. 9).

Пределы этих окраин размыты, и речь идет не только о вызванных процессами джентрификации смещениях «периферийных колец» города к центру, но и размытии границ города и пригорода. Современные российские мегаполисы являют тому пример: новостройки перемежаются с сельской местностью и коттеджными поселками, дачные участки и садоводства возникают в непосредственном соседстве с новыми районами города или же примыкают к пригородным территориям, но иногда оказываются вынесенными далеко от города.

Дача как уникальный элемент русской культуры и как ее социальный феномен все больше вызывает интерес исследователей, отечественных и зарубежных (Struyk & Angelici, 1996; Lovell, 2003; Caldwell, 2011). В статье **Полины Чураковой «Дачные пригороды Санкт-Петербурга как зона культурного пограничья»** рассматривается период, когда загородная жизнь приобрела характер массового социального явления и сформировалось особое городское сообщество, получившее название «дачники». Дачные пригороды в статье представлены как новые для своего времени социокультурные пространства, созданные в результате взаимодействия нескольких культур, в том числе городской и загородной. И здесь характерно не только пограничное положение дачной территории, но и совокупность практик, характерных как для резидентов сельской местности, так и для горожан. В статье проведен подробный анализ этих занятий, определяющих идентичность обитателей дач и специфику дачного сообщества в конце XIX – начале XX вв., времени, когда это сообщество представляло собой сложное, но, в отличие от начала XXI века, однородное явление.

ТРАНСФОРМАЦИИ ГРАНИЦ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Представление городского пространства в философском аспекте предполагает обнаружение и исследование культурных практик, которые стирают старые границы и способствуют появлению новых. Этим процессом отчасти обусловлена неоднородность городской среды. Особый интерес в этом смысле представляет изучение отдельных «забытых» территорий, «темных пятен» на карте города, «вспыхивание» и «затухание» которых образует динамический мерцающий узор. Как нам рассматривать эти тёмные пятна? Как отдельные «забытые» места, зоны умолчания и забвения? Как зоны власти над остальной территорией? Это могут быть и свалки, и руины, и кладбища, но также и закрытые фонды музеев, огороженные парки, засекреченные милитаризованные зоны, кварталы ограниченного доступа, места отбывания наказаний, фавелы и другие типы маргинализированных территорий.

Частично к таким пространствам можно отнести и некоторые «не места», описанные Марком Оже (2017): недолговечные и анонимные локации транзита для новой кочующей идентичности. Последние также связаны с явлениями бессмысленного существования: не запоминаемого, неизбежного в заброшенности, в отсутствии. И те, и другие в нынешних городских центрах занимают значительное пространство, создавая территории отчуждения и представляя собой барьеры для развития потоков городской жизни. Признавая значимость городских пустот, сопоставляя их с привычными повседневными городскими объектами, что, по мнению А. Аккермана (Akkerman, 2009), соответствует ницшеанскому различию между дионисийским (пустоты) и аполлоническим (рациональный город), мы отказываемся от ведущего положения одних и подчиненного — других.

Однако смещение границ городского культурного ландшафта происходит не только по горизонтали, и доминирование тех или иных территорий может определяться не только плотностью застройки и сетей коммуникации, развитием инфраструктуры, социальной средой. Городские образования маркируются с помощью архитектурного облика, стилистики, которые, в свою очередь, являются формами репрезентации культурной памяти. Концепт городского пространства раскрывается в статье Лейлы Тави **«Postwar heuristic strategies of exclusion and inclusion in Moscow architecture»** («Послевоенные эвристические стратегии отчуждения и инклюзии в архитектуре Москвы») через временные отношения и урбанистические стратегии

прошлого. История Вавилонской башни, первого задуманного человечеством небоскреба, напоминает, что пределы все же существуют.

Трансформация архитектурных форм связана и с трансформациями внутри общества. Лейла Тави останавливает наше внимание на том, как распространение территорий города выходит за рамки горизонтальной плоскости в плоскость иную, казалось бы, не имеющую границ. На примере высотных зданий Москвы, на сопоставлении двух эпох высотного строительства может быть исследован современный мегаполис, где небоскребы должны стать символом социальных перемен. Новые высоты, как и их монументальные предшественницы сталинской эпохи, включаются в качестве ведущего архитектурного элемента в дискурс власти, а сама башенная форма, естественно, является негласным олицетворением авторитаризма. Архитектура метафорична, и проанализированные в статье примеры дают основания для глубоких интерпретаций. Современная Москва — многонациональный мегаполис, обитатели которого бросают вызов законам гравитации, а ее новые, головокружительной высоты здания вновь превращают столицу в невероятную урбанистическую лабораторию.

ПОИСК ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЛИТЕРАТУРНО- ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Размышления над формированием городской метафизики, явленной нам в городских пространствах, их границах, пронизанности и неприкосновенности, не раз становились основой литературного сюжета. Марку Оже принадлежит также мысль о том, что «город романен»:

«Город существует благодаря сфере воображаемого, которая в нем рождается и в него возвращается, той самой сфере, которая городом питается, и которая его питает, которая им призывается к жизни, и которая дает ему новую жизнь. Интерес к эволюции сферы воображаемого вполне оправдан: сфера эта затрагивает как город (с его константами и изменениями), так и наши взаимоотношения с образностью, которая также подвержена изменениям — подобно городу и обществу» (Оже, 1999).

Действительно, пространство, в том числе городское, метафорично, образно, и потому способно конструировать новую, воображаемую реальность, существующую внутри литературно-художественного дискурса. Автобиографичность, попытка автора преодолеть через письмо травматичный опыт прошлого, фиксация межграницных и транзитных состояний в жизни лирического героя, поиски идентичности происходят в контексте пространственных границ в пределах города, и только это долгое время являлось единственным осмыслением пространственности в европейской культуре.

Корни, пути идентичности, череда перемещений, названий имен городов становятся ключевыми для анализа **Габриэлла Пеллони («Переходы в романе «Промежуточные станции» Владимира Вертлиба»)**, где городское пространство становится то контуром, то фоном, на котором высвечиваются основные события жизни лирического героя. Транскультурное состояние героев связано и с этими поисками, и с собственными пространственными перемещениями в поисках желаемого, окончательного дома-domus'a. Нужен ли вечному номаду город? Основные вопросы, с помощью которых автор статьи находит интерпретационный ключ к роману Вертлиба, — это проблемы еврейской идентичности, эмиграции, памяти, европейской истории XX века. В романе упоминаются события в их выборочности, словно обрывки истории, сформированные в его сознании коллективной памятью, специфичность этих воспоминаний лирического героя связана с ощущением городских пространств. Габриэлла Пеллони подчеркивает, что в основе сюжета лежит кажущееся бесконечным путешествие, но это не только географическое перемещение, но и путешествие героя/автора к самому себе.

Девятнадцатый век для Европы как период глобального переселения сельского населения в города обозначил неизжитый до сих пор травматический опыт двух идентичностей, которые бы древнегреческие философы соотнесли бы с *полисом* и *хорой*. *Mittel-*европейская литература и культура наиболее остро переживали процессы урбанизации и формирования буржуазного общества, как это представлено в великой литературе выходцев из Австро-Венгерской империи. На периферии этих глобальных трансформаций находятся герои романа «Анатолин» Г.-У. Трайхеля, творчеству которого посвящена статья **Евгении Волощук «Швабский плуг в украинском небе: литературные репрезентации немецко-украинского пограничья в дискурсе памяти о волинских немцах**

(на материале творчества Г.-У. Трайхеля)». «Белые пятна» семейных воспоминаний оказываются совместимы в романе с топографическими «белыми пятнами» или пустотами. Для исследования способа репрезентации этого пространства использован картографический инструментарий, в частности, понятие ментальных карт, культурных и исторических границ, метафора контурной карты. Конструкт немецко-украинского пограничья проанализирован через топографический образ, способствующий формированию идентификационной модели Восточной Европы. Поэзия Трайхеля наполнена метафорическими элементами — река, небо, поле, болото, — которые вырисовывают ментальный ландшафт семейно-родовой памяти героя. В литературном контексте ярче и образнее проявляет себя феномен *фантомных границ*, то есть границ, продолжающих структурировать пространство даже после их физического исчезновения¹.

Страна множества городов, страна литературного философа **Кшиштофа Дуды** имеет огромный опыт пересечения границ, физических и ментальных. Этот опыт исследуется на примере творчества польского литератора, переводчика и философа **Станислава Винценца**. В статье **«Преодоление границ по Станиславу Винценцу как источник творчества»** раскрываются основные идеи преодоления границ, территориальных, внешних, и собственных, внутренних. Не задумываясь о проблемах городской среды, автор статьи рассматривает философские проблемы вынужденности на примере смены мест обитания, которые стали для Винценца импульсом к созданию повести «Послевоенные перипетии Сократа». Он затрагивает важные вопросы самоопределения, сохранения личностной идентичности, самообновления.

Различные культурные концепты и их взаимоотношения с языком — еще один фактор, определяющий идентичность и ее границы. «Язык может быть сформулирован, например, как продукт или как маркер самоидентификации. Культура в новую эпоху рассматривается главным образом с точки зрения субъективных смыслов, которые носители языка ассоциируют с опытом» (Sharifian, 2017, p. 135). **Марина Кривенькая** рассматривает **«Особенности пограничья культурных сред в терминологии межкультурного**

¹ Проблема фантомных границ в европейских и российских исследованиях приобрела особую актуальность в два последних десятилетия. Интерес к этой теме подогревается острыми вопросами, связанными с политической историей и политической географией, напряжением в сфере международной политики, а также с поисками национальных идентичностей. Теоретические подходы к понятию фантомных границ сформулированы Л. Бялашевичем (Bialasiewicz, 2009), Ф. Бийе (Billé, 2013) и рядом других исследователей.

взаимодействия» как терминологические проблемы в описании проявлений межкультурного диалога в русскоязычной и англоязычной практике. Исследуя специфику терминологии в сфере пограничных исследований, она анализирует такие термины как «поликультурный (policultural)», «мультикультурный (multicultural)», «кросскультурный (cross-cultural)» и «межкультурный» (intercultural) с точки зрения способов разграничения, обусловленных теми или иными средовыми и национальными концептами. Лингвокультурология с ее междисциплинарным охватом открывает большие перспективы для работы в сфере изучения пограничных пространств культуры и может быть использована в качестве аналитического инструмента для изучения проблем идентичности с привлечением специалистов из самых разных областей гуманитарного знания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Говоря о феномене городских идентичностей, мы рассматриваем, главным образом, соотношение различных культурных практик, пересекающихся между собой и пересекающих условные внутренние и внешние границы города. Сам образ города при этом не лишен индивидуальности, поскольку в ежедневных проявлениях он не только создается, но также интенсивно воспринимается и воссоздается снова. В плоскостях, несоразмерных друг другу, в пересечениях границ пространство города предстает, в первую очередь, наполненным смысловым содержанием. Оно не может быть сведено к общей характеристике, к совокупности индивидуальных целей, забот и желаний, к классификации или типологии фрагментированных культурных образований.

Коммуникативные системы, лежащие в основе жизни города, предполагают также обращение к прошлому, восприятие его моделей в языке, литературе, архитектуре, визуальных образах, традициях и обычаях. Так, через пласты истории и современности формируются представления о городе, выходящие за рамки территориальных; город может рассматриваться как изменчивая пространственно-сетевая структура, обладающая устойчивым ядром организации смыслов.

Предпосылки любого исследования границ идентичности и пространственных границ заставляют отказаться не только от попыток создания типовой модели жителя того или иного города (москвича, петербуржца, парижанина), что лишено какой-либо актуальности в современных условиях, но и от принятия городской

идентичности как целостного культурного типа, охарактеризованного определенными маркерами.

Многие вопросы городских исследований, которые осуществляются с помощью идентитарных понятий остаются открытыми; предложенные в данном выпуске ракурсы фиксируют специфические состояния и очертания городских границ. Отдельные аспекты жизни городских сообществ, формирование менталитета в образах городской архитектуры, реконструкция границ в человеческой памяти с помощью литературного сюжета, — все эти темы предполагают различные подходы к изучению идентичности, являя ее как междисциплинарную категорию. Вместе с тем, предложенный в качестве определяющего аналитического инструмента пространственный концепт раскрывает дополнительные возможности исследования социальной реальности в контексте философии города. В качестве направлений для будущих исследований границ идентичности и пространственных границ города, по мнению авторов выпуска, могут быть выделены: феноменология идентичности места, уточнение определений городской среды с использованием достижений новейшей философии пространства, а также междисциплинарные исследования флюидности границ.

Список литературы

- Akkerman, A. (2009). Urban Void and the Deconstruction of Neo-Platonic City-Form. *Ethics, Place & Environment. A Journal of Philosophy & Geography*, 2(12), 205–218.
- Appadurai, A. (1996). *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press.
- Bauman, Z. (1992). *Intimations of Postmodernity*. London, New York: Routledge.
- Bialasiewicz, L. (2009). Europe as/at the border: Trieste and the meaning of Europe. *Social & Cultural Geography*, 10(3). 257–269.
- Billé, F. (2013). Territorial phantom pains (and other cartographic anxieties). *Environment and Planning D: Society and Space*, 31(1) 163–178.
- Caldwell, M. (2011). *Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley: University of California Press.
- Friedman, J. (1994) *Cultural Identity and Global Process*. London, Thousand Oaks, California: SAGE.

- Hall, S. (1996). Introduction. Who Needs 'Identity'. In S. Hall & P. Du Gay (Eds.) *Questions of cultural identity*. London: Sage, 1996.
- Heidegger, M. (1997). Bauen Wohnen Denken. In *Vorträge und Aufsätze* (s. 120–180). Stuttgart: Neske Verlag.
- Hannerz, U. (1992). *Cultural Complexity: Studies in the Social Organization of Meaning*. New York: Columbia University Press.
- Latour, B. (2005). *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford: Oxford University Press.
- Lovell, S. (2003). *Summerfolk: A History of the Dacha, 1710-2000*. Ithaca and London: Cornell University Press.
- Nikolaeva Zh. & Troitskiy S. (2018). An Introduction to Russian and International Studies of Cultural Exclusion Zones. *Rivista di Estetica, n.s.*, 67(1), LVIII, 3–19.
- Sharifian, F. (2017) *Cultural Linguistics. Cultural conceptualisations and language*. Amsterdam/PA: John Benjamins. (Cognitive Linguistic Studies in Cultural Contexts, 8).
- Struyk, R. J. & Angelici, K. (1996). The Russian Dacha phenomenon. *Housing Studies*. 11(2), 233–250. DOI: 10.1080/02673039608720854
- Tilley, C. (2006). Identity, Place, Landscape and Heritage. *Journal of Material Culture*, 11(1/2), 7–32. DOI: 10.1177/1359183506062990
- Вахштайн, В. С. (2014). Пересборка города: между языком и пространством. *Социология власти*, 2, 9–38.
- Делез, Ж. & Гваттари Ф. (2010) *Тысяча плато. Капитализм и шизофрения*. Пер. с фр. и послесл. Я. И. Свирского. Екатеринбург: У-Фактория, Москва: Астрель.
- Замятин, Д. Н. (2006). *Культура и пространство. Моделирование географических образов*. Москва: Знак.
- Зиммель, Г. (2002). Большие города и духовная жизнь. *Логос*, 3-4, 23–34.
- Лефевр, А. (2010). Социальное пространство. *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*, 2(70), 3–14.
- Миллс, Ч. Р. (2001). *Социологическое воображение*. Пер. с англ. О. А. Оберемко. Москва: Издательский Дом NOTA BENE.
- Николаева, Ж. В. & Носков, А. А. (2019). Рефлексия феномена времени в онтических контурах Санкт-Петербурга. *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*, 1(123), 107–114.
- Оже, М. (1999). От города воображаемого к городу-фикции (пер. В. Мизиано). *Художественный журнал*, 24. Retrieved from <http://moscowartmagazine.com/issue/75/article/1623>

- Оже, М. (2017). *Не-места: введение в антропологию гипермодерна*. Перевод с фр. А. Ю. Коннова. Москва: Новое литературное обозрение.
- Савчук, В. В. (2012). Забор как вид медиа. *Международный журнал исследований культуры*, 4(9), 105–111. Retrieved from [https://culturalresearch.ru/files/open_issues/04_2012/IJCR_04\(9\)_2012_Savchuk.pdf](https://culturalresearch.ru/files/open_issues/04_2012/IJCR_04(9)_2012_Savchuk.pdf)
- Фуко, М. (2006). Другие пространства. В: *Интеллектуалы и власть* (стр. 191–204). Москва: Праксис.

References

- Akkerman, A. (2009). Urban Void and the Deconstruction of Neo-Platonic City-Form. *Ethics, Place & Environment. A Journal of Philosophy & Geography*, 2(12), 205–218.
- Appadurai, A. (1996). *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press.
- Augé, M. (1999). From the city of the imaginary to the city of fiction (transl. V. Misiano). *Moscow Art Magazine*, 24. Retrieved from <http://moscowartmagazine.com/issue/75/article/1623> (In Russian)
- Augé, M. (2017). *Non-places: an introduction to hypermodern anthropology*. Transl. A. Yu., Konnov. Moscow: New Literary Observer. (In Russian)
- Bauman, Z. (1992). *Intimations of Postmodernity*. London, New York: Routledge.
- Bialasiewicz, L. (2009). Europe as/at the border: Trieste and the meaning of Europe. *Social & Cultural Geography*, 10(3). 257–269.
- Billé, F. (2013). Territorial phantom pains (and other cartographic anxieties). *Environment and Planning D: Society and Space*, 31(1) 163–178.
- Caldwell, M. (2011). *Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley: University of California Press.
- Deleuze, G. & Guattari, F. (2010) *A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia*. (Transl. and afterglow. by Ya. Svirskiy) Yekaterinburg: U-Factoriya, Moscow: Astrel. (In Russian)
- Foucault, M. (2006). Other Spaces. In *Intellectuals and power. Selected political articles, speeches and interviews* (pp. 191–204). Moscow: Praksis. (In Russian)
- Friedman, J. (1994) *Cultural Identity and Global Process*. London, Thousand Oaks, California: SAGE.

- Hall, S. (1996). Introduction. Who Needs 'Identity'. In S. Hall & P. Du Gay (Eds.) *Questions of cultural identity*. London: Sage, 1996.
- Hannerz, U. (1992). *Cultural Complexity: Studies in the Social Organization of Meaning*. New York: Columbia University Press.
- Heidegger, M. (1997). Building Living Thinking. In *Lectures and essays* (pp. 120-180). Stuttgart: Neske Verlag. (In German)
- Latour, B. (2005). *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford: Oxford University Press.
- Lefebvre, H. (2010). Social space. *Neprikosnovennij Zapas. Debates on politics and culture*, 2(70), 3–14. (In Russian)
- Lovell, S. (2003). *Summerfolk: A History of the Dacha, 1710-2000*. Ithaca and London: Cornell University Press.
- Mills, C. W. (2001). *The Sociological Imagination* (transl. O. Oberemko). Moscow: Nota BENE Publishing House. (In Russian)
- Nikolaeva, Zh. & Troitskiy, S. (2018). An Introduction to Russian and International Studies of Cultural Exclusion Zones. *Rivista di Estetica, n.s.*, 67(1), LVIII, 3–19.
- Nikolaeva, Zh. V. & Noskov, A. A. (2019). Reflection of the Time Phenomenon in St. Petersburg's Ontic Contours. *Neprikosnovennij Zapas. Debates on politics and culture*, 1(123), 107–114. (In Russian)
- Savchuk, V. (2012). The Fence as a Kind of Media. *International Journal of Cultural Research*, 4(9), 105–111. Retrieved from [https://culturalresearch.ru/files/open_issues/04_2012/IJCR_04\(9\)_2012_Savchuk.pdf](https://culturalresearch.ru/files/open_issues/04_2012/IJCR_04(9)_2012_Savchuk.pdf) (In Russian)
- Sharifian, F. (2017) *Cultural Linguistics. Cultural conceptualisations and language*. Amsterdam/PA: John Benjamins. (Cognitive Linguistic Studies in Cultural Contexts, 8).
- Simmel, G. (2002). The Metropolis and Mental Life. *Logos*, 3-4, 23–34. (In Russian)
- Struyk, R. J. & Angelici, K. (1996). The Russian Dacha phenomenon. *Housing Studies*. 11(2), 233–250. DOI: 10.1080/02673039608720854
- Tilley, C. (2006). Identity, Place, Landscape and Heritage. *Journal of Material Culture*, 11(1/2), 7–32. DOI: 10.1177/1359183506062990
- Vakhshtain, V. S. (2014). Reassembling the City: between space and speech. *Sociology of power*, 2, 9–38. (In Russian)
- Zamyatin, D. N. (2006). *Culture and space. Modeling geographic images*. Moscow: Znak. (In Russian)